

Гарри смотрел на двух своих лучших друзей, молча сидящих в углу купе. Единственным звуком был ритм стальных колес по рельсам, когда Хогвартс-экспресс вез их домой. Время от времени Рон издавал тихий храп, а затем, казалось, ловил себя на мысли и снова погружался в тишину. К счастью, это никогда не длилось достаточно долго и не становилось настолько громким, чтобы разбудить Гермиону. Поскольку Гарри не уставал, он сидел и смотрел в окно, наблюдая за проплывающими мимо пейзажами, или, как сейчас, смотрел, как они спят. Оставшись наедине со своими мыслями, Гарри вскоре обнаружил, что вспоминает свой третий год обучения в Хогвартсе.

Гарри повернулся, чтобы посмотреть на улицу, но его взгляд остановился на отражении в стекле. Гермиона крепко спала. Она была моложе его! Эта мысль до сих пор поражала Гарри. На первом курсе, примерно в конце сентября, Гарри заметил, что в один из дней Гермиона выглядела немного подавленной, меланхоличной. До этого момента она всегда была жизнерадостной и полной энергии. Он спросил ее об этом, и, конечно, она ответила, что все в порядке: "Просто у меня много забот", - сказала она, и тогда он оставил это без внимания и больше ни о чем не думал. Затем, на следующий год, это случилось снова.

Гарри проснулся с чувством неловкости. Ему приснился сон, который он не мог вспомнить, что-то на краю его подсознания. Постепенно это чувство угасало, пока Гарри не заметил, что Гермиона снова стала очень тихой, и тогда он вспомнил предыдущий год. Должно быть что-то, - подумал он, - должен быть какой-то смысл в сегодняшнем дне, но какой? Может быть, она потеряла кого-то особенного, как и он. Она вела себя так же, как он на Хэллоуин". Гарри был полон решимости выяснить, что её беспокоит. Он попытался поговорить с Дамблдором, но безуспешно. Тогда он написал родителям Гермионы, её мать, конечно, проявила беспокойство, но лишь сказала, что если Гермиона не хочет говорить об этом, то она не может. Миссис Грейнджер поблагодарила Гарри за беспокойство и сказала, что, скорее всего, ничего страшного нет и не стоит волноваться. Она знает", - подумал он.

Гермиона снова заявила, что с ней всё в порядке, но Гарри на этом не остановился и отправился к профессору МакГонагалл. Гарри все ей объяснил. Он рассказал ей о разговоре с профессором Дамблдором и о письме родителям Гермионы. Наконец, в отчаянии, он добавил: "Профессор, я знаю, что ее что-то беспокоит. Я не хочу вмешиваться... Я просто хочу помочь".

Поначалу МакГонагалл была категорически против сохранения тайны Гермионы, но она тоже заметила одиночество Гермионы и решила помочь. "Гарри, мне нужно твоё торжественное слово, что если я расскажу тебе, почему мисс Грейнджер чувствует себя так, как она чувствует, ты не расскажешь об этом ни одной живой душе... даже мистеру Уизли". Профессор МакГонагалл строго посмотрела на Гарри: "Я даю вам слово, мистер Поттер?"

"Да, мэм, я клянусь". Гарри вспомнил, что сказал.

"Девятнадцатое сентября - день ее рождения".

"Я не понимаю, почему..."

МакГонагалл подняла руку, чтобы остановить его: "Это все, что я могу вам сказать. Возможно, когда-нибудь мисс Грейнджер расскажет вам больше".

"Да, мэм", - Гарри знал, что это все, что он получит от старосты. "Спасибо, что уделили мне время, профессор".

"Не за что... Гарри, помни, ни одной души, мисс Грейнджер не хочет, чтобы кто-то знал".

Гарри кивнул в знак понимания и ушел. Он решил, что ещё сможет сделать для неё что-то особенное и сохранить её тайну. Однако день рождения Гермионы уже давно прошёл, и Гарри придётся ждать третьего курса, чтобы сделать ей сюрприз.

Гарри улыбнулся про себя, мысленно переносясь в этот день - тринадцатый день рождения Гермионы.

Ужин закончился, и таинственный Гарри повел Гермиону по коридорам к месту назначения, которое еще не было определено.

"Гарри, куда ты меня ведешь?" - запыхалась Гермиона, - "У меня нет настроения участвовать в очередном твоём приключении".

"Терпение, Гермиона, мы уже здесь".

"Здесь? И где это мы, мы посреди коридора, Гарри", - вспыхнула Гермиона.

"Увидишь, но сначала я хочу, чтобы ты закрыла глаза". На лице Гарри появилась дьявольская улыбка.

"Гарри, я не собираюсь..."

"Гермиона, пожалуйста", - умолял он с улыбкой, затем стал более искренним. "Я обещаю, что если тебе не понравится, ты можешь наложить на меня наговор до самого возвращения в общую комнату".

Гермиона положила руки на бедра, она разрывалась, часть ее хотела, чтобы ее оставили в покое, а другая часть не хотела... особенно сегодня. Вздохнув, Гермиона закрыла глаза.

Гарри пощекотал грушу, и проход, ведущий на кухню, открылся. Гарри осторожно подвел Гермиону к маленькому столику в глубине. Он повернул ее так, чтобы она стояла за ним. "Открой глаза, - прошептал он ей на ухо.

Гермиона слегка вздрогнула, почувствовав его дыхание на своей шее. Медленно она открыла глаза: "О, Боже!" Перед ней стояло около двадцати домовых эльфов, все в крошечных бумажных колпаках с надписью "С днем рождения". Вокруг них были сотни воздушных шаров, некоторые привязаны группами к различным креплениям, другие просто свободно парили. Широко раскрыв глаза, Гермиона медленно повернулась, чтобы рассмотреть все это. Рядом с ней справа стоял небольшой столик, на котором лежал красивый торт. По форме он напоминал книгу, но не просто книгу, а "Историю Хогвартса". На торте было написано "С четырнадцатым счастьем, Гермиона" и четырнадцать свечей, которые уже были зажжены.

Гермиона повернулась лицом к овечьему лицу Гарри. Со слезами на глазах и удивлённым взглядом она прошептала: "Как..."

Не зная, обрадовалась Гермиона или расстроилась, Гарри ответил с нервной улыбкой: "На первом курсе ты сказала, что все в порядке. В прошлом году тоже, но я не поверил тебе во второй раз". Гарри говорил тихо, придвигаясь ближе. "Я не знаю, почему ты хочешь держать в секрете дату своего рождения, и я поклялся, что никому не скажу. Но это не значит, что я не могу сделать для тебя что-то особенное в этот день". Гермиона лишь кивнула в знак понимания. "Ты не обязана мне ничего рассказывать, Гермиона, и если ты хочешь, чтобы я забыл обо всем этом в следующем году, я так и сделаю".

Гермиона потеряла дар речи. Она оглянулась на торт и улыбнулась, затем наклонилась и задула свечи. "Их слишком много", - тихо сказала она, не отрывая взгляда от торта.

Гарри посмотрел на торт и быстро сосчитал: получилось четырнадцать. Смутившись, он ответил: "Четырнадцать, что ты имеешь в виду?"

Гермиона снова посмотрела на Гарри: "Сядь, Гарри".

Неохотный звук ее голоса заставил Гарри подчиниться без единого слова.

"Есть одно старое правило, Гарри, - начала Гермиона. "Оно гласит, что ребенок, которому на первое сентября не исполнилось одиннадцати лет, может посещать Хогвартс, если соблюдены все следующие условия. Во-первых, им должно исполниться одиннадцать к первому полнолунию после Хэллоуина. Во-вторых, у них должна быть рекомендация как минимум двух действующих профессоров Хогвартса. И третье, самое главное..." Гермиона сделала паузу, не зная, стоит ли продолжать. Гарри мягко коснулся ее руки и ободряюще улыбнулся: "Все в порядке, Гермиона, ты не обязана продолжать, если не хочешь".

Глубоко вздохнув, Гермиона продолжила: "Нет, Гарри, я должна рассказать об этом, даже если ты единственный, кто об этом узнает".

Гарри сел и терпеливо ждал, пока она продолжит.

"Ребенок рассматривается по этим правилам, только если... если он проявляет

исключительные способности и зрелость в возрасте десяти лет". Гермиона закрыла глаза: ее секрет был раскрыт, хотя бы одному человеку. Она ждала, будучи уверенной, что Гарри сделает какой-нибудь комментарий, который нечаянно высмеет её. Что-нибудь вроде: "Ну и дела" или: "Так ты, наверное, книжный червь? Она знала, что Гарри никогда не скажет ничего плохого специально, но после многих лет выслушивания пренебрежительных комментариев о ее интеллекте она все еще немного защищалась.

Устав ждать неизбежного, Гермиона открыла глаза: "И что?".

Гарри вздохнул: "Прости, но я не вижу в этом проблемы. Ты блестящая, возможно, даже одаренная. Очевидно, профессора тоже это знают. Ты должна гордиться, Гермиона".

Гермиона улыбнулась, приятно удивленная, а затем пояснила: "Гарри... они и так называют меня книжным червем, всезнайкой, выпендрежницей и, что мне больше всего нравится, невыносимой. Это только подольет масла в огонь".

"Ладно, на первом курсе я видел, что у тебя действительно не было много друзей..."

"У меня не было друзей".

"Ну, теперь есть. Гермиона, какая разница, что говорит кучка неудачников, они просто завидуют. Твои настоящие друзья так не думают, я так не думаю. Гермиона, я горжусь тобой, и ты тоже должна гордиться... ты лучше, чем это!" взволнованным тоном закончил Гарри, немного придя в себя.

Гермиона села и уставилась на Гарри. Второй раз за последние несколько минут она не знала, что сказать.

"Гермиона, если ты все еще хочешь сохранить это в тайне, я не скажу, но я все равно буду устраивать тебе маленький праздник каждый год. Ты не должна быть одна в свой день рождения, поверь мне, я знаю".

Поскольку она ему верила, Гермиона согласилась: "Хорошо, Гарри, но пока это останется между нами. Мне нужно время, чтобы подумать о том, что ты сказал. Посмотрим в следующем году".

"Ну... когда ты говоришь "между нами"... ты имеешь в виду себя, меня, профессора МакГонагалл и около сотни домовых эльфов". Гарри рассмеялся, увидев, как она быстро обвела взглядом комнату. "Не волнуйся, они тоже поклялись хранить тайну".

Гермиона снова повернулась к Гарри и смущенно улыбнулась: "Спасибо, Гарри".

"Без проблем".

"Нет, я имею в виду спасибо за то, что ты все это сделал. Спасибо, что не смеешься надо мной".

Гарри повернулся лицом к Гермионе и несколько секунд смотрел ей прямо в глаза, после чего медленно кивнул: "Не за что, Гермиона".

Вернувшись в настоящее, Гарри улыбнулся про себя: ему нравилось делиться с ней этим маленьким секретом. Этот год закончился, а никто больше не знал.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/115241/4478423>